

Махлаюк А.В.

Анонимная речь ΕΙΣ ΒΑΣΙΛΕΑ (Ael. Aristid. Or. XXXV Keil).

Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарий

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2911>]

[Публикация работы:]

Махлаюк А.В. 2011: Анонимная речь ΕΙΣ ΒΑΣΙΛΕΑ (Ael. Aristid. Or. XXXV Keil). Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарий // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 3: Взгляды на историю и историческая информация в трудах античных авторов. Нижний Новгород, 274-294.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Переводы и комментарии

А. В. Махлаюк

АНОНИМНАЯ РЕЧЬ ΕΙΣ ΒΑΣΙΛΕΑ (AEL. ARISTID. Or. XXXV Keil)*

*Вступительная статья, перевод с древнегреческого
и комментарий*

В составе обширного корпуса сочинений Элия Аристиды, одного из самых известных риторов эпохи Антонинов (ок. 117–187 гг. н. э.), до нас дошла и одна небольшая речь (39 глав), озаглавленная в ряде рукописей *Εἰς βασιλέα*¹ и представляющая собой энкомий, обращенный к не названному по имени правителю. Трудно, наверное, найти другой античный текст, созданный в одном из риторических жанров, который вызывал бы столь острые дискуссии среди антиковедов, продолжающиеся с рубежа XIX–XX вв. и вплоть до настоящего времени. До самого конца XIX в. никаких сомнений в авторстве самого Аристиды ни у издателей, ни у исследователей не возникало, хотя не во всех сохранившихся рукописях ее заголовку предшествует указание на авторство Аристиды (*Ἀριστείδου λόγος*) и не все рукописи корпуса сочинений Аристиды ее включают. Разные точки зрения высказывались лишь по вопросу об адресате энкомия. Так как в последней фразе речи имеется обращение оратора к сыну прославляемого императора, то выбор делался между Марком Аврелием с его сыном Коммодом² и Антонином Пием с усыновленным им Марком³.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-31-00218а «Образы прошлого в творчестве авторов Второй софистики (Флавия Филострата, Элия Аристиды, Максима Тирского, Фронтоня, Менаандра Ритора, Дексиппа)».

¹ Aelii Aristidis Smyrnaei quae supersunt omnia / Ed. B. Keil. Berolini, 1898. Vol. II. Or. XXXV. P. 253–264. В издании В. Диндорфа эта речь помещена под номером IX (Aristides / Ed. W. Dindorf. Vol. I. Lipsiae, 1829. P. 98–112; переиздание: Hildesheim, 1964). Я пользовался изданием Б. Кейля (по которому выполнен и публикуемый ниже перевод). Мне осталось недоступным новейшее издание К. А. Бэра: *P. Aelius Aristides. The Complete Works (Aelii Aristidis opera quae extant omnia)* / Ed. C. A. Behr. Vol. II. Orationes XVII–LIII. Leiden, 1981.

² Таково было, в частности, мнение Виллема Кантера (Willem Canter), одного из первых издателей Аристиды (Aristidis orationum tomi tres nunc primum latine versi. Basel, 1566. См. также: Aelii Aristidis Adrianensis opera omnia graece et latine / Ed. S. Jebb. Vol. I. Oxf., 1722. P. 56, 67. Not. 1). Эту точку зрения разделяли и исследователи конца XIX в. См., в частности: Schmid W. Die Lebensgeschichte des Rhetors Aristides // RhM. 1893. Bd 48. S. 83).

Однако Бруно Кейль в подготовленном им издании 1898 г., основываясь прежде всего на анализе языка, стиля, структуры и имеющихся в речи возможных аллюзиях на исторические события, решительно отверг авторство Аристиды и подкрепил этот вывод дополнительной аргументацией в последующих работах, в которых в качестве адресата речи определил Опелия Макрина⁴, хотя не исключал и Филиппа Араба⁵. В целом же Кейль характеризовал эту речь как «конгломерат расхожих топосов», показывающий «убожество мысли составителя речи», но вместе с тем исходил из того постулата, что такого рода *τόποι*, объединенные в особом порядке, дают в сумме своей характеристику конкретного индивида⁶. С самостоятельным обоснованием вывода о невозможности приписывать это произведение Аристиду примерно в то же время выступил и русский ученый Иван Турцевич⁷, а еще несколько ранее Т. Моммзен устно высказал мнение, поддержанное и другим крупнейшим авторитетом — Ульрихом фон Вилламовиц-Мёллендорфом (который как раз и ссылается на устное замечание Моммзена), о том, что эта речь не была сочинена Аристидом и посвящалась она Пертинаксу⁸.

Так началась эта многолетняя дискуссия. Не останавливаясь на всех ее перипетиях и нюансах приводимой оппонентами аргументации⁹, отметим только основные мнения, высказанные учеными об этой речи, которую можно считать настоящей историко-филологической загадкой по меньшей мере с двумя неизвестными: если Аристид не является ее автором, то кто и когда в таком случае ее составил, а

П. фон Роден, автор статьи о Марке Аврелии в «Энциклопедии Паули – Виссова», считал, что речь была произнесена в 176 г. н. э. на Элевсинских празднествах (*Rohden P., von. Annis* (94) // *RE. Bd 1. 1894. Sp. 2301*).

³ В их пользу высказывались, например, Джон Массон (*Masson J. Collectanea historica ad Aristidis vitam* // *Aristides* / Ed. W. Dindorf. Vol. III. Lipsiae, 1829. P. LXIII–LXI) и В. Ваддингтон (*Waddington W. H. Mémoire sur la chronologie de la vie du rhéteur Aelius Aristides* // *Mémoires de l'Institut impérial de France, Académie des inscriptions et belles lettres*. 1867. Vol. 26. P. 255, 259. Not. 3). Более подробные библиографические указания см.: *Stertz S. A. Pseudo Aelius Aristides, ΕΙΣ ΒΑΣΙΛΕΙΑ* // *CQ. 1979. New. Ser. Vol. 29. P. 172. Not. 2*.

⁴ Эту точку зрения, не выдвигая собственной аргументации, принимал А. Буланжер (*Boulanger A. Aelius Aristides et la sophistique dans la province d'Asie au IIe siècle de notre ère*. P., 1923. P. 382. Not. 1).

⁵ *Aelii Aristidis Smyrnaei quae supersunt omnia...* P. XXXI и 253 (*apparatus criticus*). См. также: *Keil B. Eine Kaiserrede (Aristides, R. XXXV)* // *Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-Historische Klasse*. 1905. S. 381–428; *Idem. Ein ΛΟΓΟΣ ΣΥΣΤΑΤΙΚΟΣ* // *Nachrichte von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-Historische Klasse*. 1913. S. 1–41.

⁶ *Keil B. Eine Kaiserrede...* S. 398–400, 404.

⁷ *Турцевич И. Г. Eine Kaiserrede — Zwei Proconsulreden Aristides* // *Известия историко-филологического института князя Безбородко в Нежине*. 1907. Т. XIII. С. 49–78.

⁸ *Willamovitz-Möllendorf U., von. Die griechische und lateinische Literatur und Sprache* // *Die Kultur der Gegenwart. Teil I, Abteilung 8. B.*, 1905. S. 161. Правда, в 3-м издании этой работы (В., 1912. S. 237) данная ремарка была опущена.

⁹ Подробному рассмотрению этих дискуссий посвящена наша специальная статья: *Махлаюк А. В. Большие споры о маленькой речи (о некоторых итогах и проблемах изучения речи ΕΙΣ ΒΑΣΙΛΕΙΑ Псевдо-Аристиды)* // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия История*. Вып. 1 (3). Н. Новгород, 2004. С. 23–37. См. также подробный обзор существующих точек зрения в работе: *Körner Chr. Die Rede «Εἰς βασιλέα» des Pseudo-Aelius Aristides* // *MH. 2002. Vol. 59. S. 211–228*.

главное — кому из императоров она могла быть посвящена, если вообще была предназначена конкретному правителю?

Ответы на эти вопросы, предложенные научной литературе за минувшие сто с лишним лет, обнаруживают поразительный разброс мнений и гипотез. Среди адресатов энкомия, кроме уже упомянутых Антонина Пия¹⁰, Марка Аврелия¹¹, Пертинакса и Макрина, исследователями назывались еще четыре столь разных императора, как Траян¹², Филипп Араб¹³, Деций¹⁴ и Галлиен¹⁵, которые не только раз-

¹⁰ Попытку возродить и обосновать, казалось бы, давно отвергнутую точку зрения на Εἰς βασιλέα как на подлинную речь Элия Аристиды, произнесенную в честь Антонина Пия, предпринял Кристофер Джонс (*Jones C. P. Aelius Aristides, Εἰς βασιλέα* // JRS. 1972. Vol. 62. P. 134–152. См. также: *Idem. The Εἰς βασιλέα again* // CQ. 1981. Vol. 31. P. 224–225). Опираясь как на филологический анализ, так и на сопоставление исторических аллюзий и указаний, содержащихся в речи, с тем, что известно из других источников об обстоятельствах прихода к власти Антонина Пия, его личности и политике, он доказывал, что Аристид произнес эту речь перед самим императором во время своего единственного визита в Рим в 144 г., когда им была произнесена его известная речь — «Похвала Риму» (Εἰς Ῥώμην, Or. XXVI Keil). Однако аргументация Джонса убедила очень немногих историков, хотя в их числе — такие авторитетные специалисты, как Ф. Миллар и Т. Барнес (см.: *Millar F. The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337)*. L., 1977. P. 528 f.; *Barnes T. D. [Rev. of] MacMullen R. Roman Government's Response to Crisis A.D. 235–337*. New Haven; London, 1976 // CPh. 1978. Vol. 73. P. 224).

¹¹ В частности, В. Хейтленд, спустя три десятилетия после работ Кейля, называл речь «напыщенным панегириком Марку Аврелию» (*Heitland W. E. Last Words on the Roman Municipalities*. Cambr., 1928. P. 69).

¹² Обоснованию идеи об обращенности речи к Траяну посвятила специальную работу Долорес Либрале (*Librale D. L'«Εἰς βασιλέα» dello pseudo-Aristido e l'ideologia traiana* // ANRW. Bd II. 34. 2. 1993. P. 1271–1313). Итальянская исследовательница стремится доказать, что речь была произнесена в июне–июле 100 г. софистом Исеем из Ассирии и может рассматриваться как манифест той идеологической программы, которую развивали римские интеллектуалы в конце I – начале II в. н. э. При всей тонкости аргументации эта оригинальная концепция выглядит малоубедительной. Подробное ее изложение и разбор см.: *Махлаюк А. В. Указ соч. С. 29–32.*

¹³ В пользу этой кандидатуры убедительные доводы привел Эдмунд Гроаг (*Groag E. Studien zur Kaisergeschichte, II: Die Rede des Pseudo-Aristides (Εἰς βασιλέα)* // Wiener Studien. 1918. Bd 40. S. 20–45). Он, в частности, обратил внимание на то, что оратор, обращаясь к сыну императора, называет его *γενναῖος γενναῖον*, что является греческим соответствием латинскому титулу *nobilissimus Caesar*, которым впервые стал именоваться младший сын Септимия Севера Гета. Признавая, что речь в целом бесцветна и по большей части состоит из риторических штампов, которые можно отнести едва ли не к любому императору, Гроаг, тем не менее, пришел к заключению, что историческому контексту и скупым персональным характеристикам, обозначенным в речи, в наибольшей степени соответствует император Филипп Араб, который, в отличие от Макрина, воевал с германцами; в отличие же от Галлиена, действительно заключил мир с персами и, по официальной версии, достиг трона благодаря *consensus omnium*, а к 247 г. после трех лет правления обеспечил в Империи относительную стабильность и спокойствие. Автором речи, по мнению Гроага, мог быть софист Никагор, который, согласно «Суде» (s. v. Νικάγορας), участвовал в посольстве к Филиппу. Правда, Гроаг не смог убедительно объяснить, почему в речи, вопреки рекомендациям риторических наставлений, не восхваляется супруга правителя, хотя жена Филиппа Отацилия Севера хорошо известна по монетам и надписям. Тем не менее точка зрения Гроага надолго утвердилась в науке и в настоящее время является преобладающей. См., например: *Wickert L. Princeps* // RE. Bd 22. 2. 1954. Sp. 2246, 2225, 2254 f.; *Moreau J. Krise und Verfall: Das dritte Jahrhundert n. Chr. als historisches Problem* // Heidelberg Jahrbücher. 1961. Bhf. 5. S. 39–41;

личались по складу характеров, но приходили к власти и правили в совершенно несхожих исторических обстоятельствах.

Более того, по мнению ряда ученых, поиски конкретных адресатов речи совершенно напрасны, ибо она, возможно, была всего лишь школьным риторическим упражнением (μελέτη) в жанре «царской речи» (βασιλικὸς λόγος). На это указывают такие, казалось бы, очевидные черты данной речи, как ее анонимность, перенасыщенность расхожими топосами, явная зависимость как от классических образцов, так и от риторических учебников, отсутствие конкретных примеров, которые иллюстрировали бы восхваляемые добродетели правителя, погрешности про-

York M. The Image of Philipp the Arab // *Historia*. 1972. Bd 32. P. 331; Bengston H. Das Imperium Romanum in griechische Sicht // *Idem*. Kleine Schriften. München, 1974. S. 565; Alföldy G. The Crisis of the Third Century as Seen by Contemporaries // *GRBS*. 1974. Vol. 15. P. 94 f., 99, 101, 105 (= *Idem*. Die Krise des Römischen Reiches. Geschichte, Geschichtsschreibung und Geschichtsbetrachtung. Ausgewählte Beiträge. Stuttgart, 1989. S. 319–342); *Idem*. Die Krise des Imperium Romanum und die Religion Roms // *Religion und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit*. Kolloquium zu Ehren von Friedrich Vittinghoff. Köln; Wien, 1989. S. 62; MacMullen R. Roman Government's Response to Crisis A.D. 235–337. New Haven; L., 1976. P. 221. Not. 32; Oliver J. The Piety of Commodus and Caracalla and the Εἰς βασιλέα // *GRBS*. 1978. Vol. 19. P. 387; Christol M. L'Empire romain du IIIe siècle. Histoire politique 192–325 après J.-C. P., 1997. P. 102.

Специальную аргументацию в пользу Филиппа см.: Blois L., de. The Εἰς βασιλέα of Ps.-Aelius Aristides // *GRBS*. 1986. Vol. 27. P. 279–288; Pavón Torrejón P. El Εἰς ΒΑΣΙΛΕΑ: un *speculum principis* del siglo III // *Habis*. 1997. Vol. 28. P. 193–205 (особенно p. 200 sgg.). Дополнительные аргументы в пользу Филиппа Араба привел Луис Свифт, по мнению которого греко-римская историография была враждебно-необъективна по отношению к этому императору, обвиняя его в убийстве Гордиана III, и возникла эта традиция, возможно, из стремления сгладить память о позорном поражении от персов. Напротив, в трехязычной надписи (так называемые *Res Gestae Divi Saporis*), найденной около Персеполья и сообщающей о разгроме римской армии в битве при Мисихе (*Misiche*), ничего не говорится об измене Филиппа. Заключение же мира с Сапором I после такого поражения и в ситуации развала дисциплины в войске действительно можно было, по мысли Свифта, расценить как проявление Филиппом благоразумия (εὐβουλία), которому анонимный оратор посвятил целых три главы (30–32). См.: Swift L. J. The Anonymous Encomium of Philip the Arab // *GRBS*. 1966. Vol. 7. P. 267 ff.

¹⁴ Mazzarino S. Trattato di storia romana. Vol. II. Roma, 1956. P. 406–407. По мнению итальянского исследователя, именно Деций вернулся к традициям греческой образованности (παιδεία), занялся возрождением языческой религии и сумел укрепить дисциплину в армии. Еще ранее в пользу Деция как возможного адресата энкомия высказывался В. Гютль (*Hüttle* W. Antoninus Pius, I: Historische-Politische Darstellung. Prague, 1936).

¹⁵ Мнение о Галлиене как адресате речи в свое время аргументировал Альфред фон Домашевский, исходя из подчеркивания автором речи антиэллинизма предшествующих императоров и упоминания о победах над германцами. По мнению автора, энкомий был, возможно, произнесен осенью 260 г. на празднестве Деметры в Элевсине, скорее всего, софистом Каллиником из Петры, которому приписывается посвященная Галлиену речь. См.: Domaszewski A., von. Beiträge zur Kaisergeschichte II. Die Rede des Aristides εἰς βασιλέα // *Philologus*. 1906. Bd 65. N. F. 19. S. 344–356. Из более поздних исследователей этот взгляд разделяет, пожалуй, только Л. Фаро, который, ссылаясь на исключительно мрачный исторический фон, обрисованный в речи анонимного ритора, признает в качестве ее адресата Галлиена (*Faro* L. La coscienza della crisi in un anonimo retore del III secolo // *Athenaeum*. 1980. Vol. 58. P. 406–428).

тив языковых норм, нестыковки в структуре и т. п.¹⁶ Наиболее радикальный вывод из этих посылок сделал Эрнест Баркер, который доказывал, что данный текст есть не что иное, как школьное упражнение византийского времени — IX в. или даже более позднего периода¹⁷. Подробное и комплексное обоснование идеи об Εἰς βασιλέα как риторической μελέτῃ, прославляющей воображаемого, идеализированного царя (совсем даже не обязательно римского императора), предпринял Стефан Штерц, который считал, что речь была написана неоригинальным и не очень искусным ритором или софистом III или IV в. в соответствии с рекомендациями учебников по риторике (вроде сохранившегося наставления Менандра Ритора; см. ниже)¹⁸.

Против преувеличения влияния риторических пособий на содержание и структуру рассматриваемой речи выступил Лукас де Блуа¹⁹. Уточняя ее жанр, он полагает, что данный текст следует отнести к разряду λόγος ἐσχηματισμένος (*sermo figurativus*, или *sermo coloratus*), т. е. побуждения в форме похвалы; хотя она и написана в соответствии с риторическими рецептами, но среди традиционных клише и терминологии заключен — посредством расстановки определенных акцентов — некий *message*, который по своему содержанию соответствует скорее середине III в., когда на северных и восточных границах римской державы имели место серьезные проблемы, шла беспощадная борьба за трон, обострялась финансовая ситуация и усиливалась инфляция, когда было не до попечения об эллинской культуре, а солдатские императоры имели только военную подготовку и редко отличались традиционными доблестями и греческой образованностью. По своему тону и содержанию заключенное в речи «послание» вполне коррелирует с идеями, присутствующими в сочинениях таких авторов III столетия, как Дион Кассий, Геродиан, Филострат и Дексипп; создателем же речи, вероятно, был некий афинский оратор, принадлежавший к тому же кругу, что Филострат и Дексипп.

Интересное предположение (правда, вскользь) высказал Д. Иннес. По его мнению, мы имеем дело с реальной речью, которая, однако, была сокращена и адаптирована, чтобы послужить некоей жанровой моделью, и этим можно объяснить присутствующую в речи скомканность начальной и заключительной частей²⁰.

¹⁶ Эти особенности ясно видел еще Б. Кейль, отмечавший, что трудно отделаться от впечатления, что эта речь — не более чем ученическая μελέτῃ (Keil B. Eine Kaiserrede... S. 404).

¹⁷ Barker E. Social and Political Thought in Byzantium. Oxf., 1957. P. 220–225. Он обратил внимание на то, что эта речь отсутствует в более ранних рукописях, но появляется в более поздних, начиная примерно с 1100 г. Но, главное, с точки зрения Баркера, данный текст обнаруживает «типично» византийские черты: акцент на такие качества правителя, как φιλανθρωπία и εὐσέβεια, ссылки на упадок греческой культуры и ее возрождение под покровительством просвещенного монарха, обращение к параллелям из древнегреческой истории, предпочтение, отдаваемое дипломатии по сравнению с вооруженными действиями. Впрочем, Баркер оговаривался, что авторство византийского писателя в данном случае — это только возможный вариант решения проблемы.

¹⁸ Stertz S. A. Op. cit. P. 172–197. Cp.: Idem. Concordantia in orationem quae Aristidis fertur esse Εἰς ΒΑΣΙΛΕΑ. Hildesheim; Zürich; N. Y., 1987. P. 3.

¹⁹ См.: Blois L., de. The Εἰς βασιλέα of Ps.-Aelius Aristides. Cp.: Idem. Emperor and Empire in the works of the Greek-speaking authors of the third century AD // ANRW. Bd II. 34. 4. 1998. P. 3429 f.; Idem. The Third Century Crisis and the Greek Elite in the Roman Empire // Historia. 1984. Bd 33. Hft 4. P. 358 f.

²⁰ Innes D. C. The Panegyricus and rhetorical theory // Pliny's Praise. The Panegyricus in the Roman World / Ed. P. Roche. Cambr., 2011. P. 77. Not. 36.

Так или иначе, никто из исследователей не отрицает, что рассматриваемая речь в целом обнаруживает явную зависимость от классических образцов одной из разновидностей эпидейктического жанра — энкомия, обращенного к правителю и игравшего немаловажную роль как средство «пропаганды» и формулирования идеологических постулатов в греко-римском мире²¹. В литературе уже давно отмечены вполне определенные параллели с такими произведениями, как «Агесилай» Ксенофонта и «Эвагор» Исократа, а также четыре «Речи о царской власти» Диона Хрисостома. При этом анонимный автор очень близко, но отнюдь не абсолютно следует рекомендациям риторических учебников, в частности наставления (τέχνη) Менандра Ритора из Лаодикеи, писателя второй половины III в. н. э. (между 250 и 300 гг.)²², в сочинении которого об эпидейктическом красноречии имеется специальный раздел, посвященный составлению «царской речи» — βασιλικὸς λόγος²³.

Согласно Менандру, βασιλικὸς λόγος предполагает следующую схему: вслед за вступлением необходимо было рассказать о родном городе, предках и семье правителя, затем — о его характере (φύσις), воспитании и образовании (ἀνατροφή, παιδεία), нравах и образе жизни (φύσις τῆς ψυχῆς, ἐπιτηδεύματα). Далее надлежало говорить о его деяниях (περὶ τῶν πράξεων λόγος) как на войне, где проявляется его мужество (ἀνδρεία), так и в мирной гражданской жизни, в которой на первый план выходят такие добродетели, как δικαιοσύνη (справедливость), σωφροσύνη (благоразумие) и φρόνησις (рассудительность), а также «третий вид доблести» — человеколюбие (φιλανθρωπία). «Царская речь» предполагала использование аллюзий и сравнений с известными мифологическими и историческими персонажами, а также, по возможности, соотнесение произносимой речи с актуальной ситуацией, но допускала, естественно, и приукрашивание и даже явный вымысел.

Анонимный автор Εἰς βασιλέα близко, но отнюдь не слепо следует данной схеме. Речь открывается вступлением (главы 1–4), в самом начале которого сказано, что речь произносится на каком-то религиозном празднестве (ἐν ἑορτῇ καὶ ἐν ἱερομηρίᾳ). Присутствует здесь и традиционное самоумаление оратора, который говорит о сложности стоящей перед ним задачи — найти слова, подобающие величию доблестей и деяний императора. В главах 5–15 речь идет о том,

²¹ В целом о жанре энкомия (элогия) см. прежде всего капитальное исследование Л. Перно: Pernot L. La rhétorique de l'éloge dans le monde gréco-romain. Vol. 1–2. P., 1993.

²² О личности, времени жизни и трудах Менандра см.: Radermacher L. Menander (16) // RE. Bd 15. 1. 1931. Sp. 762–764; Menander Rhetor / Ed. with translation and commentary by D.A. Russell and N. G. Wilson. Oxf., 1981. P. XXXIV–XL; Gascó F. Menander Rhetor and the works attributed to him // ANRW. Bd II. 34. 4. 1992. P. 3110–3146; Heath M. Menander. A Rhetor in Context. Oxf., 2004 (прежде всего p. 93–213).

²³ О разработке Менандром эпидейктического жанра и, в частности, о структуре и топосах «царской речи», специально см.: Straub J. Vom Herrscherideal in der Spätantike. Stuttgart, 1939. S. 153–157; Menander Rhetor / Ed. with translation... P. 271–281; Pernot L. Les topoi de l'éloge chez Ménandros le rhéteur // REG. 1986. Vol. 99. P. 31–56; Quet M.-H. Conseils de Méandre le Rhéteur pour l'élaboration d'un «discourse du Prince», à la fin du IIIe siècle // L'Éloge du Prince. De l'Antiquité au temps de lumières. Actes du Colloque international de Grenoble, 4–5 décembre 1997 / Ed. I. Cogitore et Fr. Goyet. Grenoble, 2003. P. 81–89. О соотношении менандровской схемы «царской речи» и Εἰς βασιλέα см.: Blois L., de. The Εἰς βασιλέα of Ps.-Aelius Aristides. P. 279–281; Pernot L. La rhétorique de l'éloge dans le monde gréco-romain. Vol. 1. P. 262–264.

каким образом император пришел к власти, при этом особо подчеркивается, что верховную власть он, в противоположность предшествующим правителям, получил не в результате насилия и гражданской войны и не по наследству, но был призван к властвованию с всеобщего согласия, в силу своих общепризнанных достоинств (компетентности, милосердия, справедливости, образованности, благочестия, предвидения), вопреки даже собственным чаяниям и желанию. Далее — в соответствии с наставлениями Менандра — прославляются деяния и доблести императора: справедливость в финансовых делах (гл. 16), в судопроизводстве и законодательстве (гл. 17–19); его филэллинизм и возрождение греческой культуры, находившейся до этого в пренебрежении (гл. 20); его человеколюбие, обходительность (гл. 21–23), умеренность и скромность привычек, благоразумие (гл. 24–29); здесь подчеркивается, что, придя к власти, он ничуть не изменился. В гл. 30–35 восхваляются мужество и рассудительность императора в отношениях с войском, в котором он восстановил дисциплину, положив конец алчности воинов, и в отношении варваров, которых он принудил к покорности, разгромив кельтов и установив мир на берегах Тигра и Евфрата, где возникла какая-то кризисная ситуация. Главы 36–39 представляют собой *peroratio*, в последней фразе которого оратор обращается к сыну императора, призывая его последовать по стопам своего отца.

Из этого краткого обзора не трудно убедиться, что содержание речи дает очень немного указаний на индивидуальные черты восхваляемого правителя, на более или менее конкретные обстоятельства его воцарения и правления. Тем не менее такие намеки на историческую реальность присутствуют в тексте и суть следующие: прославляемый в речи император 1) получил престол не по наследству; 2) имел сына; 3) был молодым человеком; 4) заключил договор с персами и воевал с варварами на северных рубежах Империи; 5) осуществил некоторые преобразования в армии; 6) в отличие от своих предшественников на императорском престоле, был филэллином; 7) правил в условиях относительного мира; 8) его правлению предшествовал период смуты, гражданских войн, природных катастроф и голода.

Этих указаний, отнюдь не однозначных, к сожалению, недостаточно для каких-либо неопровержимых, окончательных ответов на ключевые вопросы, возникающие при изучении данной речи, такие как авторство и адресат энкомия, а соответственно, время его создания или произнесения. Неудивительно поэтому, что начавшиеся более ста лет споры не только не привели к согласию исследователей, но, напротив, породили целый ряд взаимоисключающих интерпретаций. По сути дела, ни в одной из работ, посвященных *Εἰς βασιλέα*, не выдвинута полностью непротиворечивая концепция. Учитывая специфику данного текста, это едва ли возможно. Вполне закономерно, что в самой последней по времени работе об этой речи, принадлежащей Христиану Кёрнеру, констатируется, что с известной определенностью можно признать только два из сделанных предыдущими исследователями выводов. Эта речь, во-первых, определенно не может быть признана произведением самого Элия Аристиды, а во-вторых, создана она была не ранее III в., во всяком случае, не в раннеимператорское время; привязать же ее к правлению какого-либо конкретного императора и соответственно использовать в качестве источника сведений о политике и личности того или иного конкретного правителя не представляется возможным²⁴. На наш взгляд, всё же более предпочтительным и убедительным представляется наиболее распространенное мнение о том, что адре-

²⁴ Körner Ch. Die Rede «*Εἰς βασιλέα*» des Pseudo-Aelius Aristides.

сатом этой речи был Филипп Араб, который, кстати сказать, в современных исследованиях рассматривается не как одиозный «солдатский император», но как способный правитель, стремившийся продолжать политическую и идеологическую линию Септимия Севера и Севера Александра²⁵.

Тем не менее, как в старых, так и в новейших работах этот текст нередко привлекается для характеристики идеологии императорской власти и, прежде всего, лежащего в ее основе образа идеального правителя²⁶. И это вполне оправданно, учитывая то существенное внимание, которое в настоящее время уделяется изучению панегирической литературы императорского времени²⁷ в соответствии с более широким пониманием роли риторики и красноречия в греко-римском обществе вообще²⁸. Эта литература рассматривается отнюдь не как лицемерная лесть или прямолинейная пропаганда, но как значимый элемент политико-идеологического дискурса, посредством которого политическая элита Империи не просто выражала свою лояльность по отношению к правящим монархам, но формулировала и представляла последним свое видение идеального правителя и общественного консен-

²⁵ См., в частности: *Blois L., de. The reign of the emperor Philip the Arabian // Talanta. 1978/1979. Vol. 10/11. P. 11–43; Prickartz Ch. Philippe l'Arabe (244–249), civilis princeps // AC. 1995. Vol. 64. P. 129–153; Körner Chr. Philippus Arabs, ein Soldatenkaiser in der Tradition des antoninisch-severischen Prinzipats. B.; N. Y., 2002.*

²⁶ См., например: *Rostovzeff M.I. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxf., 1926. P. 397 f., 614. Not. 15. См. также русский перевод этой работы: Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. В 2-х т. Т. II / Пер. с нем. И.С. Алексеевой и Г.В. Снежинской. СПб., 2001. С. 160–161, 163–164 и Прим. 18, 24–25 на с. 374–376; Blois L., de. Emperor and Empire... P. 3429 ff.; Idem. The Third Century Crisis... P. 358 ff. О соотношении риторики и реальности в данной речи см. также: *Pavón Torrejón P. Op. cit.; Idem. Retórica u realidad en εἰς βασιλέα del Pseudo-Aristides // II Congreso Peninsular d'Historia Antigua. Coimbra, 1993. P. 187–191.**

²⁷ См., в частности материалы специального colloquium: *L'Éloge du Prince. De l'Antiquité au temps de lumieres. Actes du Colloque international de Grenoble, 4–5 décembre 1997 / Ed. I. Cogitore et Fr. Goyet. Grenoble, 2003.* Данная проблематика изучалась преимущественно на материале «XII Латинских панегириков». Из обширной литературы недавнего времени см., например: *Gervás Rodriguez M. J. Propaganda política y opinión pública en los panegíricos latinos del hajo imperio. Salamanca, 1991; L'Huillier M.-C. L'Empire des mots. Orateurs gaulois et empereurs romains 3e et 4e siècles. Besançon, 1992; Mause M. Die Darstellung des Kaisers in der lateinischen Panegyrik. Stuttgart, 1994; Nixon C.E.V., Rodgers B.S. In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini. Berkeley, 1994; The Propaganda of Power. The Role of Panegyric in Late Antiquity / Ed. M. Withby. Leiden, 1998; Lassandro D. *Sacratissimus Imperator: L'immagine del princeps nell'oratoria tardoantica.* Bari, 2000; Rees R. Layers of Loyalty in Latin Panegyric A.D. 289–307. Oxf., 2002. Из более старых, но важных работ см.: *Born L.K. The perfect prince according to the Latin Panegyricists // AJPh. 1934. Vol. 55. P. 20–35; Burdeau F. 'L'Empereur d'après les Panegyriques Latins // Aspects de l'empire romain / Ed. Burdeau F., Charbonnel N., Humbert M.P., 1964. P. 1–60; Storch R.H. The XII Panegyrici Latini and the Perfect prince // Acta Classica. 1972. Vol. 15. P. 71–76.**

²⁸ В современных исследованиях риторика и красноречие трактуются не как закрытая дискретная система, но как динамические дискурсы, которые формировали многие аспекты античной культуры. Поэтому риторика становится отправным пунктом для изучения других аспектов античного мира, на которые она оказывала воздействие. См.: *Dugan J. Modern Critical Approaches to Roman Rhetoric // A Companion to Roman Rhetoric / Ed. W. Dominik and J. Hall. Oxf., 2007. P. 9–22.*

суса, делая акцент в первую очередь на личных моральных качествах носителя высшей власти²⁹.

Проведенный в науке анализ содержания и стилистических особенностей анонимной «царской речи» со всей очевидностью подтверждает безусловное доминирование в политическом красноречии императорского времени традиционных литературно-риторических клише, топосов и идеологем, использовавшихся в политико-идеологическом дискурсе и в индивидуальных характеристиках носителей власти. Система категорий, описывающих добродетели и пороки правителей, содержательное наполнение соответствующих понятий, способы их артикуляции на протяжении всей античной эпохи — от греческой классики до позднеримского времени — обладали поразительной устойчивостью и инерционностью, даже несмотря на кардинальные изменения социально-политических реалий. Вполне очевидно, что это в немалой степени было обусловлено традициями образовательной сферы, центральное место в которой занимала риторическая подготовка, сознательно ориентированная на подражание признанным шедеврам и каноническим образцам и подверженная вместе с тем веяниям моды и культурных вкусов конкретного времени в том, что касается выбора тех или иных направлений из разнообразного спектра литературно-риторических стилей и жанров. Понятно, что благодаря риторской школьной системе на протяжении очень длительного времени транслировались и в практически неизменном виде воспроизводились соответствующие представления. Эти последние аккумулировались в риторических «общих местах» (κοινὰ τόποι, *loci communes*); натвердо усвоенные в школах грамматика и ритора, они давали греко-римским интеллектуалам и их публике некие универсальные схемы осмысления действительности и, несомненно, формировали многие важные моменты мировосприятия.

Учитывая всё сказанное, предлагаемый перевод на русский язык анонимного энкомия «К императору», думается, послужит более непосредственному знакомству всех заинтересованных читателей и специалистов с этим любопытным образчиком греко-римской политической мысли и риторической литературы императорского времени.

²⁹ См.: Noreña C.F. The Ethics of Autocracy in the Roman World // A Companion to Greek and Roman Political Thought / Ed. R.K. Balot. Oxf., 2009. P. 267 ff.

Перевод¹

Аноним

К императору² (Or. xxxv Keil)

(1) Мне кажется, что праздничный день, богам посвященный³, дает прекрасный повод вспомнить и почтить речью божественного и человеколюбивого императора. И страшит здесь не то, что нам, вознамерившимся воздать ему хвалу, не хватит [для этого слов], но то, что достоинства, присущие императору, столь велики, что никому вообще не по силам будет подобающим образом поведать о них. Тем не менее, воодушевленный его счастливой и благодетельной судьбой, [проявившейся] в прочих делах, я взял на себя смелость произнести о нем речь. (2) Поэтому, отбросив всё, что по обычаю говорят [ораторы] во вступлении и приводят в свое оправдание — кто величие совершенных деяний, кто краткость времени, отводимого на речи, — и не обращаясь, подобно поэтам, ни к Музам, ни к другой сторонней помощи, я прямо перейду к восхвалению императора. [И поступлю таким образом] не из самонадеянности и не из пренебрежения к [своей] задаче, но потому, что понимаю, что те, кто в зачине [речи] просит [слушателей] о снисхождении и извиняется, сами же в некотором отношении пренебрегают предметом своего выступления. Ибо, высказываясь в таком духе, они, как мне кажется, всего лишь подтверждают, что, выступая с речами, на скорую руку составленными, они могли бы подыскать слова, соответствующие величию деяний, если бы уделили больше времени [их] обдумыванию и подготовке. Они же, приписывая себе способность

¹ Перевод выполнен по изданию: Aelii Aristidis Smyrnaei quae supersunt omnia / Ed. B. Keil. Vol. II. Berolini, 1898. P. 253–264.

² Заголовок Εἰς βασιλέα имеется в трех рукописях (STC) вместе с указанием Ἀριστείδου λόγος. В рукописи U (а также в указателе рукописи D рукой позднейшего переписчика) дается заголовок εἰς τὸν αὐτοκράτορα. Стоит обратить внимание, что в основной рукописной традиции в заголовке речи перед словом «царь/император» отсутствует артикль, что, по мнению С. Штерца, может указывать на то, что речь обращена не к определенному императору, а относится к идеальному правителю и, стало быть, представляет собой школьное упражнение в жанре βασιλικὸς λόγος. См.: Sterz S. A. Concordantia in orationem quae Aristidis fertur esse Εἰς ΒΑΣΙΛΕΑ. Hildesheim; Zürich; N. Y., 1987. P. 3.

³ По мнению Э. Гроага, этим празднеством могли быть Элевсинии в честь богини Деметры, которая упоминается в конце речи (гл. 37), и в этом случае адресатом речи вполне мог быть император Филипп Араб (Groag E. Studien zur Kaisergeschichte, II: Die Rede des Pseudo-Aristides (Εἰς βασιλέα) // Wiener Studien. 1918. Bd. 40. S. 21). За Элевсинии высказывался и А. фон Домашевский, считавший адресатом речи Галлиена, который, по его мнению, был единственным императором III в. н. э., посвященным в Элевсинские мистерии (Domaszewski A., von. Beiträge zur Kaisergeschichte II: Die Rede des Aristides Εἰς βασιλέα // Philologus. 1906. N. F. Bd 65. S. 351 f.). С. Джоунс, высказавший мнение, что речь была составлена самим Элием Арситидом и адресована Антонину Пию, предполагает, что этим празднеством могли быть *ludi Apollinares* либо один из тех трех греческих праздников с мусическими агонами, что отмечались в Риме или городах Италии: *Sebasta* в честь Августа в Неаполе, Капитолийские игры в Риме, учрежденные Домицианом, или, вероятнее всего, *Eusebeia*, учрежденные Антонинном Пием в честь Адриана в Путеолах. См.: Jones C. P. Aelius Aristides, Εἰς βασιλέα // JRS. 1972. Vol. 62. P. 151.

говорить о самых величественных предметах и сами предлагая свои услуги, самих себя расхваливают сверх всякой меры. (3) Я же, со своей стороны, и вообразить не могу ни [такого] количества времени, которого хватило бы, ни речи, достойной императора, ни человека, способного в должной мере его прославить. Не следует, однако, поддаваться робости, но надо попытаться, насколько хватит сил⁴, произнести речь⁵. (4) Ведь когда мы приносим жертвы богам, то поступаем так, я полагаю, не потому, что считаем это соответствующим их достоинству, но воздаем им благодарность, насколько это в наших силах. Вот почему тем, кто собирается восхвалять императора, нужно не уклоняться [от своей задачи], но смело приступать к его восхвалению⁶. Ибо все равно сказанного нами для его [достоинств] будет мало, а для [выражения нашего почтения] — вполне достаточно⁷.

(5) Первое и самое важное, что можно о нем сказать, заключается в том, что еще до того, как оказаться у власти, был он достоин императорского сана⁸. Некоторые ведь приобретали власть благодаря другим [людям], либо получали ее [по наследству] от своих предшественников: первые полагались на силу вместо права, вторые же достигали императорского престола под предлогом сохранения наследственного преемства в определенном семействе. Но для того [мужа], который ничего сам не домогался и не просил, но когда его стали упрашивать стать [императором], передал себя в распоряжение тех, кто в нем нуждался и кто призывал [его]⁹, — вот для такого мужа этот почет уже давно причитался вследствие его

⁴ Данное выражение практически дословно повторяет фразу из «Государства» Платона: Plato. *R.* p. II. 374 E.

⁵ Первые три главы представляют собой традиционное, «этикетное» самоумаление оратора, которое для вступления к речи предписывали риторические наставления (Menander. *Περὶ ἐπιδεικτικῶν* // *Rhetores Graeci*. III, p. 368, 21–369, 17 Spengel). Ср. также: Isocr. *Or.* IV. 13; Ael. Arist. *Or.* XXVI. 2 Keil.

⁶ В первых главах речи (1–4), составляющих вступление (prooemium), оратор, подчеркивая недостаточность своих способностей для раскрытия выбранной темы и необходимость говорить в меру отпущенных сил (κατὰ δύναμιν), следует правилам риторических наставлений. См., в частности, соответствующие рекомендации Менандра Ритора: *Περὶ ἐπιδεικτικῶν* // *Rhetores Graeci*. III, p. 368, 21–369, 17 Spengel.

⁷ В понимании данной фразы мы следуем интерпретации Б. Кейля (Aelii Aristidis Smyrnaei *Quae supersunt omnia* / Ed. Bruno Keil. Vol. II. B., 1898. P. 254, примеч. к стрк. 5–6), согласно которой оратор, обыгрывая слово ἐνδεῶς («недостаточно»), утверждает, что, хотя в его речи не будут освещены многие императорские добродетели, они будут подразумеваться в сказанном. Л. Свифт (Swift L. J. *The Anonymous Encomium of Philip the Arab* // GRBS. 1966. Vol. 7. P. 273) понимает данный пассаж иначе, переводя: «Although my address will probably not do justice to his talents, it will represent the full employment of my own» («Хотя моя речь, возможно, не воздаст должного его талантам, она в полной мере обнаружит мои собственные»).

⁸ Ср.: Xen. *Ages.* 1. 5. Вопрос о соответствии императора его высокому положению был одним из ключевых в идеологии принципата. См.: *Charlseworth M. P. Pietas and Victoria: the Emperor and the Citizen* // JRS. 1943. Vol. 33. P. 7; *Béranger J. Recherches sur l'aspect idéologique du principat*. Basel, 1953. P. 147. Not. 62–63. В числе критериев такого соответствия были древнее благородное происхождение и место рождения претендента на императорский престол. Но анонимный автор речи совершенно обходит эти аспекты, вопреки предписаниям жанра βασιλικὸς λόγος (Menander. *Περὶ ἐπιδεικτικῶν* // *Rhetores Graeci*. III, p. 369, 18–370, 15 Spengel).

⁹ В этой фразе отражен такой характерный для римской политической идеологии (и отчасти практики) ритуал, как *recusatio imperii* («отказ от власти»), в соответствии с которым император должен был демонстративно отказываться от власти и принимать ее только по-

доблести. (6) У других [правителей] [право] на императорскую власть оспаривали многие, у него же — никто. И пусть полагают, что повиноваться [ему] надлежит из страха перед ним, или из уважения к [его] превосходству, или же, как я сказал, в силу [их собственного] прекраснейшего и правомернейшего решения, разве не очевидно, что [именно] он вследствие всех этих [обстоятельств] должен быть императором? (7) Действительно, сравнивая его с теми, кто царствовал прежде¹⁰, можно заключить, до какой степени он изначально превосходил их в этих самых отношениях. Те ведь приходили к власти после многочисленных войн и кровопролития, потеряв множество воинов и многим причинив гибельные бедствия, вследствие чего немало подвластных городов подверглось опустошению, многие местности — разорению, и еще большее число людей — истреблению. Поэтому-то всё, [что происходило] при тех [правителях], никак не соответствовало справедливости, да и сами они не могли сказать этого о самих себе. (8) Но он пришел к власти настолько честно и благородно, что ни на пути к трону, ни в начале правления не было нужды ни в каком пролитии крови¹¹. И никто не стал жертвой [той] жестокости, [которая] обычно сопровождает смену и утверждение государственной власти; и не произошло ни одного бесчинства, какие в большом числе неизбежно случаются в такого рода обстоятельствах; и никого не постигла непоправимо ужасная участь — ни мужей, ни города, ни народы. Напротив, боги настолько позаботились о том, чтобы он честно и беспорочно достиг власти, что все безумства и бесчинства оставили на долю других, а ему уготовили [только] дела справедливости, человеколюбия и всяческого благочестия¹². (9) И даже после того как он утвердился на престоле, он и близко не выказал никакой злобы и ни к чему подобному не стремился, в отличие от правивших до него императоров, которые, страшась тех или иных своих сановников, обвиняли их в заговоре против себя и карали кого изгнанием, кого смертной казнью. Он же не совершил ничего подобного и нрава своего нисколько не изменил¹³, но, напротив, был настолько далек от таких вещей и всякого желания творить расправы и казни, что даже некоторые из тех, кто злоумышлял [против него] и был явным образом изобличен, остаются живыми и

сле настоятельных просьб и обращений со стороны подвластных. Подробно см.: *Béranger J.* Op. cit. P. 139–140; 158; *Huttner U.* *Recusatio imperii: ein politisches Ritual zwischen Ethik und Taktik.* Hildesheim, 2004.

¹⁰ В гл. 7–8, как и далее, оратор использует такое риторическое средство, как σύγκρισις (сравнение), которое прямо рекомендуется Менандром для императорского энкомия (*Menander. Περὶ ἐπιδεικτικῶν // Rhetores Graeci. III, p. 372, 21 sqq. Spengel*).

¹¹ Ср.: *Plin. Pan. 7. 1 sqq.*

¹² Ср. данную фразу с *Isocr. Euag. 25*. Что касается благочестия (εὐσεβεία) императора, то оно занимает важное место в комплексе приписываемых ему в рассматриваемой речи добродетелей. Это дало основание некоторым исследователям видеть в адресате речи Антонина Пия. Однако, как показал Дж. Оливер, в Εἰς βασιλέα не могло иметься в виду благочестие императора Антонина Пия, принадлежавшее к древней римской традиции. В письмах Антонина к греческим городам имя Εὐσεβής не использовалось. Это наименование (в сочетании с Εὐτυχής = лат. *Felix*) появляется в титулатуре императоров лишь начиная с Коммоды, когда тема «благочестия» (εὐσεβεία) приобрела особое значение для жителей восточной части Империи: та εὐσεβεία, которую акцентировали Коммод и позднее Каракалла, призвана была подчеркнуть их большее расположение и особые обязательства по отношению к провинциалам, традициям и религии последних. См.: *Oliver J.* *The Piety of Commodus and Caracalla and the Εἰς βασιλέα // GRBS. 1978. Vol. 19. P. 375–388, особенно p. 386 ff.*

¹³ Ср.: *Plin. Pan. 44. 2; Tac. Hist. I. 50. 4.*

невредимыми благодаря его человеколюбию¹⁴. (10) И это не только показывает его милосердие, его уважительное отношение ко всем и отсутствие у него какой бы то ни было зависти к людям знатым и влиятельным, но и свидетельствует о том, что он не трясется от страха за свою власть, и не впадает в замешательство при непредвиденных обстоятельствах, и не поддается с легкостью ни раздражению, ни гневу, а, напротив, ко всем относится с ровным и неизменным расположением¹⁵. (11) И это [вполне] естественно, ибо, получив надлежащее образование и воспитание¹⁶, он не пренебрег ни одним из их благ и ничего не оставил неусвоенным, но, украсив свою душу всеми видами добродетели, он, как и следовало ожидать, оказался лишен какого бы то ни было порока. (12) Именно потому, что император получил такое образование и наделен всеми прекраснейшими качествами, как доставшимися ему от природы, так и приобретенными благодаря образованности — причем не каждым понемногу, не так, как другие, но всеми в превосходной степени, — он был очень полезен Империи еще и до восшествия на престол. (13) Ведь только ему одному или очень немногим императорам присуще особое превосходство. В чем же оно заключается? Иные [правители] начинают заботиться о делах власти [лишь] после того, как ее достигают, а до этого времени занимаются своими собственными. Он же до такой степени предан был государству (βασιλείᾳ), что, [еще] будучи назначенным на первую [свою должность]¹⁷, на которой случилось ему оказаться во времена, когда не было никакой определенности, он, видя, что многие государственные дела идут негодным и несправедливым образом и что, напротив, укореняются и своеволие великое, и наглость, и распушенность, не поз-

¹⁴ Человеколюбие (φιλανθρωπία) императора особо подчеркивается в данной речи (ср. далее гл. 15–17, 21–24, 27; всего это слово и производные от него употреблены в речи 13 раз) в гораздо большей степени, чем предписывалось правилами для βασιλικὸς λόγος (Menander. Περὶ ἐπιδεικτικῶν // *Rhetores Graeci*. III, p. 374, 25–375, 5 Spengel). Это, по мнению Л. Свифта (Op. cit. P. 283), указывает на возрастающее значение этой императорской добродетели в III в. н. э. и в особенности в IV в. н. э. (ср.: Downey G. *Philanthropia in Religion and Statecraft in the Fourth Century after Christ* // *Historia*. 1955. Bd 4. P. 199–208). В целом же, греческие авторы обычно рассматривают φιλανθρωπία как ключевую, но вместе с тем универсальную царскую добродетель. См., например: Dio Chrys. *Or.* I. 17; 20; II. 26; IV. 24; Philo. *Mos.* 2. 9. По словам псевдо-пифагорейца Архита, «истинный правитель должен не только обладать знанием и возможностью править хорошо, но быть человеколюбивым, ибо было бы нелепо, если бы пастух ненавидел свое стадо» (Περὶ βασιλείας // *Thesleff H. The Pythagorean Texts of the Hellenistic Period*. Turcu, 1965. P. 36, v. 1–5).

¹⁵ Это качество (διανοία) было новой добродетелью по сравнению с каноническими пятью главными добродетелями идеального правителя (доблестью, рассудительностью, благочестием, справедливостью и человеколюбием). Ср.: Dio Chrys. *Or.* 2. 26; Sthenidas // *Thesleff H. The Pythagorean Texts of the Hellenistic Period*. Turcu, 1965. P. 188, v. 2–4.

¹⁶ В главах 11–12 автор речи обращается к теме воспитания императора и его жизни до прихода к власти, следуя правилам βασιλικὸς λόγος (Menander. Περὶ ἐπιδεικτικῶν // *Rhetores Graeci*. III, p. 371, 18–372, 2 Spengel).

¹⁷ Л. Хоув считал, что этой должностью мог быть пост второго префекта претория (Howe L. L. *The Praetorian Prefect from Commodus to Diocletian*. Chicago, 1942. P. 110–111). Л. Свифт (Op. cit. P. 283), отмечая, что описанная ниже (гл. 13–14) картина неурядиц, хотя и является очень общей и эвфемистической, явно отражает ситуацию во время похода Гордиана III в Месопотамию против персидского царя Сапора I, соглашается с Э. Гроагом (Groag E. Op. cit. S. 22, 37), что речь идет о должности преторианского префекта, которую Филипп получил после смерти Г. Фурия Сабиния Тимесифея, занимавшего ее в 241–243 гг.

волял им расти и распространяться дальше, но действовал во благо государству и заботился о его интересах, подобно лекарю, врачуящему язвы и недуги огромного больного тела, или же подобно наезднику¹⁸, который, пытаясь укротить необузданную дикость несущего его могучего и норовистого коня, сдерживает его беспрестанные своевольные и яростные порывы. Таким вот он был еще до того, как стать императором. (14) А после того как всем распоряжающееся и всё направляющее провидение возвело на императорский престол сего справедливейшего и наиболее богобоязненного (δσιώτατον) из императоров, какое из тех благ, которыми мы наслаждаемся благодаря его счастливой судьбе и предвидению¹⁹, можно назвать первым и самым главным? Когда весь мир пришел в движение и устремился, можно сказать, в неизвестность (εἰς ἑτέραν γῆν), когда держава сотрясаясь, словно во время сильной бури или землетрясения, и, подобно кораблю, который вот-вот пойдет ко дну, двигалась к крайнему пределу, туда, где прежде правители и цари сбивались с пути и в конечном итоге, столкнувшись, словно в лабиринте, со множеством неодолимых трудностей, приходили в отчаяние и, отрезанные от обратной дороги, не могли вернуться назад, — видя [всё] это, он не допустил, подобно неопытному кормчему, чтобы [корабль] неся наобум и подвергался опасности, но, как многоопытнейший из императоров, выдающийся своим разумением, он сначала сдержал и остановил это безудержное движение, а затем направил и привел [его] в гавань. (15) И теперь [держава], словно корабль, выдержавший сильную бурю, в полной безопасности стоит на якоре, тогда как он направляет и устраивает дела государства так, как подобает тому, кто отличается не только благочестием и справедливостью, но и рассудительностью, и самообладанием, и умом, и прочими добродетелями. Он ведь начал, как и положено, с благочестия²⁰, но проявил и другие виды добродетели. Ибо кто еще явил столько замечательных образцов справедливости, кто — человеколюбия и иной добродетели, как этот император?

(16) Рассмотрим сначала его справедливость в денежных делах²¹. Когда размер налогов, собираемых в [императорскую] казну, был непомерным и даже многочисленных дополнительно введенных податей не хватало, а казнохранилища между тем повсюду стояли пустыми и страх за будущее всё более и более возрастал, он не требовал и не добивался их увеличения, ни тем паче не испортился нравом из-за денег, но, будучи в этом отношении не только справедливейшим, но и человеколюбивейшим из императоров, смягчил и облегчил [это бремя]. Таков вот он в денежных делах²². (17) А кто мог бы подобающим образом воздать хвалу его спра-

¹⁸ О традиционных метафорах, уподобляющих монарха врачу, наезднику и кормчему (как ниже в гл. 14), подробнее см.: *Béranger J.* Op. cit. P. 158. Not. 135.

¹⁹ Здесь и выше в этой же фразе употреблено одно и то же слово *πρόνοια*, которое мы из стилистических соображений переводим по-разному. Вместе с тем, как справедливо отмечает Л. Свифт (Op. cit. P. 285), очевидно, что оратор стремится подчеркнуть внутреннюю связь между *πρόνοια* богов и личной *πρόνοια*, присущей императору, — ту связь, которая указывает на то, что правитель определенным образом причастен божественной власти и всеведению.

²⁰ Ср.: Xen. Ages. 3. 2; Isocr. *Euag.* 23.

²¹ Ср.: Xen. Ages. 4. 1.

²² Облегчение налогового бремени и наведение порядка в финансовых делах относится к топосам императорского энкомия (Menander. *Περὶ ἐπιδεικτικῶν* // *Rhetores Graeci*. III, p. 375, 21–24 Spengel).

ведливости и милосердию в делах судебных²³? Какой Радамант²⁴ или какой Эак²⁵ оставался столь справедливым в глазах любого присяжного? Справедливость же отнюдь не всегда и во всем совпадает с милосердием. Но он четко понимал, что такое право, как будто сам был его изобретателем и подателем законов, и, никогда не выходя за его пределы, тем не менее, подкреплял его милосердием, так что строжайшая справедливость имела такую же силу, как и самое истинное человеколюбие. (18) Это объясняется тем, что в своем понимании права он не полагается на [мнения] других его толкователей, но, сам обладая благодаря своему образованию знанием того, в чем заключается подлинное добро и благо, является еще и настолько сведущим в законах, что ни одно из писанных [законоположений] не ускользает от него. Таким вот образом выносит он приговоры во всех [судебных] делах. (19) Поэтому-то нет такого человека — будь то истец, проигравший свое дело, или ответчик, уличенный и осужденный, — который уходил бы, не получив того, что ему причиталось, или того, кто жаловался бы на вынесенные императором приговоры. Напротив, и победитель, и проигравший выражают одно и то же мнение о [его] постановлениях, и оба покидают [суд] довольные, кланяясь [ему] до земли²⁶. Если же случается кому-то понести наказание, то они не видят несчастья в том, чтобы пострадать и возместить ущерб, но почитают за выгоду, что сверх того не подверглись еще большему напастям. Ведь наказания служат не для выражения ненависти императора к преступникам, но прежде всего для их назидания, если есть такая возможность, а если ее нет — то уроком для тех, кто услышит о них²⁷.

(20) Если быть поклонником эллинства²⁸ — прекрасно и царственно, то этому [императору тем более] подобает воздать хвалу. Ибо он — страстный поклонник эллинства, и ему до такой степени присуще это прекрасное качество, что в то время, когда эллинская образованность оказалась в пренебрежении и презрении, а

²³ Менандр (Περὶ ἐπιδεικτικῶν // *Rhetores Graeci*. III, p. 375, 24–376, 2 Spengel) рекомендует осветить в энкомии законодательную деятельность правителя (περὶ νομοθεσίας), но автор речи говорит исключительно о справедливости императора в судебных делах. Справедливость (δικαιοσύνη, *iustitia*), безусловно, относилась в греко-римской политической мысли, начиная с Платона, к ключевым добродетелям правителя и особо подчеркивается, например, Дионом Хрисостомом (Or. I. 45; II. 26; II. 54; II. 7; III. 10; III. 32; IV. 24) и Марком Аврелием (*Med.* III. 6. 1; V. 12. 2; VI. 47. 6; 50; VII. 54; VIII. 39; X. 11. 2; XI. 1. 5; XI. 10. 4; XII. 1. 2–4 и др.). Менандр отмечает, что именно справедливость отличает царя от тирана (Περὶ ἐπιδεικτικῶν // *Rhetores Graeci*. III, p. 375, 28–376, 2 Spengel). Ср. также «псевдопифагорейский» трактат II или III в. н. э. Περὶ βασιλείας Диотогена (Περὶ βασιλείας // *Thesleff H. The Pythagorean Texts of the Hellenistic Period*. Turcu, 1965. P. 71, v. 18–23).

²⁴ Радамант — мифический царь, сын Зевса и Европы, брат Миноса, отличавшийся справедливостью и ставший после смерти судьей мертвых либо в Элизии вместе с Кроносом, либо, по более распространенной версии, в Анде вместе с Миносом и Эаком.

²⁵ Эак — сын Зевса и Эгины, ставший за свое благочестие и справедливость после смерти одним из судей в подземном царстве.

²⁶ προσκυνούντες. Возможно, имеется в виду реальная практика проскинесиса, введенная при императорском дворе около 39 г. н. э. и ставшая обычной после правления Антонинов. См.: *Alföldi A. Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhofe* // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Institut (Römische Abteilung)*. 1934. Bd 49. S. 46–79.

²⁷ О такой двойной роли наказания ср.: Plato. *Gorg.* 525B–C; Philo. *De confusione linguarum*. 34. 171.

²⁸ Приписывание императору филэллинизма было одним из топосов в энкомиях (*Keil B. Kaiserrede*. S. 391. Anm. 1). Ср. также: Ср.: Xen. *Ages*. 7. 4; Isocr. *Euag.* 49 sq.

почести, ей воздаваемые, были упразднены и всё эллинское было отвергнуто и ни в грош не ставилось, он [в качестве] императора не остался в бездействии, но к почестям, существовавшим [прежде], присовокупил новые. Но достаточно о его справедливости. (21) Что до [его] человеколюбия, то где оно проявилось с большей весомостью и наглядностью, нежели в том, что он освободил всех, кто и головы поднять не смел²⁹, поработенный страхом, ибо по всем городам во множестве сновали соглядатаи³⁰, прислушиваясь, не молвит ли кто какое слово, и не было никакой возможности ни мыслить, ни говорить, так как уничтожено было даже умеренное и справедливое вольноречие³¹, и каждый вздрагивал от собственной тени? От этого-то страха избавил и освободил он души всех людей, вернув им совершенную и полную свободу. (22) Вот в чем главнейшая суть императорского человеколюбия и прекраснейший его образец. Ведь несмотря на свой юный возраст³², император настолько превзошел всех правителей своей добротой и любезным обхождением, что мало его назвать и «отцом», и «пастырем народов»³³, и любыми другими наименованиями, какими поэты в своих гимнах прославляют владык. (23) Есть ли такой вид милости, коего он не явил? Разве не самым любезным образом проявляется его человеколюбие по отношению ко всем подданным, в особенности к тем, которые обращаются [к нему] с просьбой по какому бы то ни было поводу? Насколько человечны ласковость его облика и любезность его разговора, а также тот факт, что для доступа [к нему] нет нужды ни в каких ухищрениях — напротив, [даже] у тех, кто печется для себя о каком-то малом благе, есть возможность как бы вступить в священные пределы³⁴. Разве это не превосходит [обычные представления] о кротости и человеколюбии? (24) Он ведь не считает, что благодаря редкости и труднодоступности [своих аудиенций] о нем распространится слава как о великом и достойном удивления императоре, какого никогда не бывало доселе, но убежден, что в наибольшей степени упрочит мнение о себе как о выда-

²⁹ ἀπαν τὸ ὑπήκοον. Здесь субстантивированное прилагательное среднего рода использовано в собирательном смысле. Ср. его аналогичное употребление у Фукидида (VI. 69. 3).

³⁰ По мнению Л. Свифта (Op. cit. P. 286), под катήκοι могут подразумеваться так называемые фрументарии (*frumentarii*), воины, выполнявшие с конца I в. н.э. функции политического сыска и снискавшие поэтому дурную репутацию (ср.: Aug. Vict. *Caes.* 39. 45). Впрочем, совет о необходимости для императора иметь хорошо налаженную систему тайного информирования дается в известной речи Мецената, обращенной к Августу в LII книге «Римской истории» Диона Кассия (LII. 37. 2–4).

³¹ О значении категории παρησία см.: Free Speech in Classical Antiquity / Ed. I. Sluiter and R. M. Rosen. Leiden; Boston, 2004, прежде всего: Raaflaub K. A. *Aristocracy and Freedom of Speech in the Greco-Roman World* // Ibid. P. 41–62.

³² ὡν γὰρ τῆλικούτος. Указание оратора на юный возраст императора, очевидно, не следует увязывать с каким-либо конкретным из возможных адресатов речи. Как справедливо отмечает П. А. Легутко, юный возраст правителя стал одним из элементов императорской идеологии. См.: Legutko P. A. *Roman Imperial Ideology in the Mid Third Century A.D. Negotiation, Usurpation, and Crisis in the Imperial Center*: PhD Diss. University of Michigan, 2000. P. 154 ff. and Not. 18 (p. 155).

³³ Эти гомеровские эпитеты (например, Hom. II. IV. 296) прилагались к царям и императорам на всем протяжении античности. Ср., например: Xen. *Mem.* 2. 39; Ages. 7. 3; Sen. *Clem.* I. 16. 2; Dio Chrys. *Or.* I. 13; 19; 22; II. 6; 65; III. 5; 40; 50; IV. 43–45; Plin. *Pan.* 2. 3; 4. 2; 26. 3; 67. 1; 87. 1; 87. 3; Ecphant. *Περὶ βασιλείας* // Thesleff H. *The Pythagorean Texts of the Hellenistic Period*. P. 82, v. 3–6; Archytas. *Περὶ βασιλείας* // Ibid. P. 36, v. 1–5.

³⁴ εἴσω περιαντήριων παριέναι. Такое же выражение (правда, в прямом, а не переносном смысле) употреблено в одной из речей Аристиды (*Or.* XXIX. 14 Keil).

ющемся правителе, если со своей стороны проявит благорасположение и всемерное человеколюбие ко всем нуждающимся³⁵. Он понимает, что на нем, как на истинном императоре, лежит обязанность подражать всеобщему владыке в человеколюбию и внимании ко всем подвластным³⁶, а не [просто] выказывать добрый и кроткий нрав до восшествия на престол, но потом, сделавшись императором, оказаться свирепым и жестоким по отношению к подвластным. Ведь это отнюдь не достоинство разумного царствования, но очевиднейший признак глупости и необразованности. (25) Таким был даже спартанский полководец, возглавлявший эллинов [в борьбе] против варваров — я имею в виду Павсания, сына Клеомброта, — который, находясь на родине, умел быть благоразумным, но, отплыв на Гелеспонт, забыл и о тех, кто оставался на родине, забыл и о самом себе и стал больше похож на кого угодно, только не на спартиата — свирепый и жестокий по отношению к союзникам, распущенный и наглый в обхождении, нравом настоящий тиран³⁷. (26) Но тот, [о ком я веду речь,] доказал, что и частный человек может оставаться всё тем же и тогда, когда он окажется императором³⁸. Еще до получения императорской власти он показал себя таким человеком, что по праву считался достойным ее, а пребывая у власти, он придерживался того же образа мысли и тех же нравов, не изменил себе и не предался распущенности, но, выбрав жизнь благоразумную и ненавидя заносчивость и противозаконие, явил собой образец благоразумия, благодаря чему и те, кто прежде отличался необузданностью и надменностью, изменили свои нравы, видя его благоразумие, оставили страсть к

³⁵ Главы 22–24 посвящены такой важной для традиционной римской идеологии черте власть имущего, как обходительность и доступность, *comitas, civilitas*, которая была особенно значима для образа императора как *civilis princeps*. См.: Wallace-Hadrill A. *Civilis Princeps: between Citizen and King* // JRS. 1982. Vol. 72. P. 32–48. Вместе с тем доступность (εὐπροσόδος) представляет собой типичную характеристику доброго царя, и Менандр советует подчеркнуть это качество в восхваляемом правителе (Περὶ ἐπιδεικτικῶν // *Rhetores Graeci*. III, p. 375, 8–18 Spengel).

³⁶ Здесь звучит важный стоический тезис о том, что единоличный правитель на земле подобен небесному владыке. Ср., например: Dio Chrys. *Or.* I. 37–41; III. 50; Diotog. *Περὶ βασιλείας* // *Thesleff H. The Pythagorean Texts of the Hellenistic Period*. P. 75, v. 8–9. См. подробнее: Faro S. *La coscienza della crisi in un anonimo del III secolo* // *Athenaeum*. 1980. Vol. 58. P. 407 sg. et Not. 4; Quet M.-H. *À l'imitation de Zeus, Antonine le Pieux, garant de l'concorde social, d'après le temoignage d'Aelius Aristide* // *Images et representations du pouvoir et de l'ordre social dans l'Antiquité. Actes du Colloque d'Angers, 28–29 mai 1999* / Éd. M. Molin. P., 2001. P. 199–209.

³⁷ Павсаний, сын спартанского царя Клеомброта I, племянник царя Леонида, прославился своим командованием объединенными силами греков в битве при Платеях в 479 г. до н. э. В 478 г. до н. э. он, командуя союзным греческим флотом, захватил Византий, но своим высокомерным поведением спровоцировал восстание и, кроме того, был заподозрен в тайных сношениях с персидским царем, которому якобы предлагал отдать власть над Грецией в обмен на руку персидской царевны. Отозванный в Спарту, он сумел избежать обвинения и снова вернулся в Византий, откуда был изгнан Кимоном около 475 г. до н. э., бежал в Троаду и, как считалось, продолжил переговоры с Персией. Вновь был отозван в Спарту, где его заподозрили также в попытке поднять восстание илотов. Чтобы избежать ареста эфорами, Павсаний искал убежище в храме, но был обречен там на голодную смерть. Автор речи в своей характеристике Павсания, по всей видимости, опирается на Фукидида, который подчеркивал тираннические наклонности этого спартанского деятеля (Thuc. I. 95. 1–3; I. 130).

³⁸ Ср.: Plin. *Pan.* 44. 2.

обогащению и сделались умереннее в своих желаниях³⁹. (27) Действительно, какими бы ни были те удовольствия, что властвуют над людьми, мы знаем, что император ни у одного [из них] не находится в подчинении⁴⁰. Он ведь с самого начала настолько был далек от них, что если и существует некая прославляемая среди людей воздержанность, то в нее можно поверить, когда обладание ею признается только за ним одним. Кто настолько чужд чревоугодия, кто — любострастия, кто — прочих наслаждений? Он ведь, как я только что сказал, не обладает добродетелью наполовину и не похож на иных правителей, которые вроде бы неплохо проявляют себя в делах, требующих мужества и человеколюбия, но совершенно не знают никакой меры в своих страстях и наслаждениях. Именно такого мужа восхваляет Гомер, когда говорит об Агамемноне, предводителе ахейн: «он и мудрый царь, и доблестный воин»⁴¹. (28) Однако у поэта он явно побежден Хрисеидой и возжелает Брисеиду, принадлежащую Ахиллесу, и из-за этой-то страсти становится причиной немалых бедствий для ахейн. В свою очередь, Ахиллес, сын Фетиды и Пелея, был настолько неводержан в наслаждениях и столь мелочен, что, стоило только Брисеиде его покинуть и провести какое-то время⁴² у Агамемнона, как он тут же обезумел до такой степени, что рыдал, взирая на «понт темноводный»⁴³ и призывая свою мать, словно ребенок, обиженный кем-то из сверстников, а когда она пришла, поведал ей причину своих слез и просил ее обратиться к Зевсу, чтобы тот, став союзником троянцев, причинил величайшие бедствия эллинам⁴⁴. После этого, видя, как в каждой схватке ахейне во множество гибнут от рук троянцев и Гектора, как умирают некоторые из его соратников и друзей, он, не меняя расположения духа и не испытывая сострадания⁴⁵ (29) Таким образом, весьма далеки они⁴⁶ были от доблести⁴⁷, он же воистину — «и царь прекрасный, и могучий

³⁹ Подчеркивание роли правителя как примера для подданных было неотъемлемым элементом βασιλικὸς λόγος (Menander. Περὶ ἐπιδεικτικῶν // *Rhetores Graeci*. III, p. 376, 4–9 Spengel: «Благодаря императору браки целомудренны, отцы имеют законное потомство, зрелища, празднества и игры проводятся с надлежащим блеском и подобающей умеренностью. Ведь люди выбирают такой образ жизни, какой видят у императора»). Ср. Vell. Pat. II. 126. 5: «...наилучший принцепс своими поступками побуждает своих граждан действовать правильно, и если он велик в своей власти, то еще более велик своим примером» (пер. А. И. Немировского). Ср. также: Plin. *Pan.* 45. 6; Sen. *Clem.* II. 2. 1 sqq.; Philo. *Mos.* 1. 160–161; Dio Cass. LII. 34. 1; Ecphant. Περὶ βασιλείας // *Thesleff H. The Pythagorean Texts of the Hellenistic Period*. P. 80, v. 22–24.

⁴⁰ Ср.: Xen. *Ages.* 5. 1 sqq. и 10. 2.

⁴¹ Hom. *Il.* III. 179.

⁴² χρόνον τινὰ ποιησάσης. Ср. с выражением Демосфена (XIX. 63): οὐδ' ἐποίησαν χρόνον.

⁴³ Hom. *Il.* I. 350 (пер. Н. И. Гнедича).

⁴⁴ Hom. *Il.* III. 350–412.

⁴⁵ Лакуна в тексте.

⁴⁶ Агамемнон и Ахиллес.

⁴⁷ Доблесть/мужество (ἀνδρεία, *virtus*) правителя, выражающаяся в том числе и в поведении на войне, одинаково значима и у греческих (ср., например: Dio Chrys. *Or.* II. 26; 54; III. 7; 32; 58; IV. 24; M. Aur. *Med.* III. 6. 1; III. 11. 3; V. 12. 2; XI. 18. 21; Menander. Περὶ ἐπιδεικτικῶν // *Rhetores Graeci*. III, p. 372, 27–373, 6 Spengel), и у латинских авторов (например: Plin. *Pan.* 3. 4; Suet. *Aug.* 21. 3; *Pan. Lat.* II. 40. 3; III. 5. 4; IV. 1–5; VII. 3. 4; XI. 19. 2). Однако, если у греков она выражала преимущественно общую моральную добродетель (ἀρετή), то у римлян императорская доблесть обычно связывается с личной храбростью на поле боя (ср., например: *Pan. Lat.* XII. 24. 3). Подробнее см.: Noreña C. F. *The Ethics of Au-*

боец». Ведь разве тот, кто настолько презирает наслаждения, что стоит выше любого из них, не есть по-настоящему мужественный, благоразумный и сильный [человек]? Ибо крепости, казавшиеся неприступными, не раз брали и распутники, и мне известны многие люди, даже среди весьма благородных, которые покорствовали наслаждениям. Кто же настолько мужествен, что может легко вести и скромный, и умеренный образ жизни?

(30) Вместе с тем многим удавалось быть мужественными перед лицом врага, но при этом сами они находились в подчинении собственных воинов. Он же настолько умело подчинил себе войска и так руководил ими, что, даже когда подарки им достигли огромной — и даже безмерной — величины⁴⁸ и воины готовы были сделаться неуправляемыми и опасными, если бы не получили их в таком же и в еще большем размере,⁴⁹ он не только не стал потворствовать их вожделяниям, но, ограничив их потребности, сделал воинов более пригодными к трудам и телесным упражнениям и, не позволяя им больше предаваться грабежам, привил им привычку к воинским учениям; не разрешал он им проводить время в роскоши и распутстве, но следил за тем, чтобы у них не возникало ни малейшей возможности для подобного рода поползновений. Поступая таким образом, он помогал нуждам подданных, заботился о поддержании воинского порядка и обеспечил более надежное поступление денег [в казну]. Пожалуй, лучших доказательств его мужества и рассудительности и быть не может⁵⁰. (31) Это также можно по праву считать свидетельством его строгости и умения [обходиться с воинами]. Ведь приучить их с помощью насилия и принуждения быть терпеливыми значит действовать страхом, а не превосходством ума. А вот убедить тех, кто был одержим ненасытной страстью к деньгам и добыче, чтобы они обуздали свои желания, вряд ли, я полагаю, было бы возможно, если б он не превосходил любого разумом и красноречием. (32) Император явил и много других примеров рассудительности во время своего правления, но прекраснее и ценнее всего — его благоразумие и проницательность в военных делах. Зная, что на войне грозными и воинственными кажутся те, кто считает, будто побеждать надлежит в [открытом] сражении, а не с помощью тщательно разработанного плана, он, тем не менее, им не уподоблялся и не подражал, но полагал, что против равных себе — ведь превзойти их доблестью почетно — следует действовать [силой] оружия, а против варваров — хитростью замыслов. (33) Он, я думаю, понимает, что даже тот, кто вел на эллинов несметные полчища и кому не хватало просторов ни суши, ни моря, ничего не стоил против хитрости одного-единственного мужа⁵¹. Там, где есть возможность одолеть [противника] хитростью, к чему идти на риск? К тому же победа в сражениях нередко

tocracy in the Roman World // A Companion to Greek and Roman Political Thought / Ed. R. K. Balot. Oxf., 2009. P. 274–275; McDonnell M. Roman Manliness. *Virtus* and the Roman Republic. Cambr., 2006. Passim.

⁴⁸ Речь идет о донативах, которые стали особенно частыми и большими в правление Септимия Севера и последующих императоров.

⁴⁹ Лакуна в тексте.

⁵⁰ В данной главе находит концентрированное выражение характерно римская идеология воинской дисциплины, основанной на трудах, учениях и ограничении потребления солдат. См.: Phang S. E. Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate. Cambr.; N. Y., 2008. Passim.

⁵¹ Здесь подразумеваются события Греко-персидских войн, относящиеся к походу Ксеркса на Элладу и победе эллинов при Саламине в 480 г. до н. э., одержанной благодаря хитроумному плану афинского стратега Фемистокла.

доставалась людям ничтожным, а способность побеждать разумением и мудростью принадлежит только тем, кто умеет мыслить⁵². (34) Кроме того, те, кто желает при любом случае и под любым предлогом выставить напоказ свою доблесть, в случае успеха достигают своей цели, но в случае поражения ввергают самих себя и своих союзников в великие бедствия. Те же, кто понимает и надлежащим образом осознает положение дел, в случае успеха приобретают ровно то, на что рассчитывали, а в случае неудачи не претерпевают никакого ущерба. Отдавая себе в этом отчет, император считает, что надо не подражать людям неразумным и опрометчиво отважным, но действовать против варваров осмотрительно, полагаясь на хитрость замыслов. (35) При этом даже со стороны врагов не заслужил он упрека за свое поведение в битвах и боевой обстановке. Напротив, он показал им, что способен превзойти их не только умом и искусством, но и доблестью⁵³. Ведь на какие бы величайшие дерзости ни отваживались кельты, самый могучий и кровожаднейший народ из [обитающих] под солнцем, и они нынче склоняются ниц перед своим владыкой⁵⁴, понимая, что гораздо лучше жить в мире и исполнять [его] повеления, нежели воевать⁵⁵ Только и остается имя этого племени⁵⁶. Вся страна к востоку от Евфрата и Тигра пришла было в волнение, но теперь усмирена и научена признавать сильнейших. (36) Весь материк пребывает в мире, суша и море чтят [своего] предстателя, голоса и эллинов, и варваров звучат согласно⁵⁷, и держава,

⁵² Автор речи акцент явно делает на достижении военного успеха благодаря интеллектуальным качествам императора. По мнению сторонников точки зрения, что адресатом речи был Филипп Араб (*Groag E. Op. cit. S. 33; Swift L. J. Op. cit. P. 288*), это обусловлено тем, что оратору требовалось решить непростую задачу — представить вынужденно заключенный Филиппом договор с персидским царем Сапором I как победу римлян. Однако в римской идеологии военного лидерства интеллектуальные качества полководца (императора) ценились, пожалуй, в неменьшей степени, чем его сугубо воинская доблесть. См.: Махлаюк А. В. Интеллектуальные качества полководца в римской идеологии военного лидерства // ИИАО. Вып. 9–10. Н. Новгород, 2007. С. 298–311. Афинский ритор и историк Геренний Дексипп, писавший во второй половине III в. н.э., так же как и автор *Εἰς βασιλέα*, подчеркивал значение в военных делах расчета и хитрости замыслов. См.: Dexippus // *FGH Hist. II A 100. 26. 4; 7 sq.; 28. 6; 31c; 33b–d*.

⁵³ Ср.: Xen. *Ages. 11. 9*. У автора речи, уделяющего большое внимание мирным достижениям императора, о его традиционной воинской доблести сказано кратко. При этом оратор не следует прямому указанию Менандра, согласно которому битвы с участием императора следует описывать подробно (Menander. *Περὶ ἐπιδεικτικῶν* // *Rhetores Graeci. III, p. 373, 17–32 Spengel*).

⁵⁴ *προσκυνοῦσι τὸν δεσπότην*. Слово *δεσπότης*, соответствующее лат. *dominus*, редко использовалось применительно к римскому императору; и более того, такое его использование, даже со стороны императорских рабов (Dio Chrys. *Or. I. 22*), вызывало явное неодобрение у римской аристократии. См., например: Suet. *Aug. 53. 1; Tib. 27; Tac. Ann. II. 87. 2; Dio Cass. LVII. 8. 7; Plin. Pan. 45. 3; 55. 7*.

⁵⁵ Лакуна в тексте.

⁵⁶ По мнению некоторых исследователей, под этими разгромленными кельтами могли подразумеваться те германцы, с которыми Филипп Араб воевал в 246 г. н.э.; уничтоженным племенем могли быть карпы, потерпевшие поражение в 247 г. н.э. См.: *Groag E. Op. cit. S. 34–35; Swift L. J. Op. cit. P. 288*.

⁵⁷ Развернутый образ согласно звучащего хора присутствует в Аристидовой «Похвале Риму» (*Εἰς Ῥώμην* = *Or. XXVI. 29–30 Keil*; ср. также: *Or. XXVII. 30–31*). См. комментарий Дж. Оливера к этому месту: *Oliver J. H. The Ruling Power. A Study of the Roman Empire in the Second Century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides* // *Transactions of the American Philosophical Society. 1953. New Ser. Vol. 48. Pt 4. P. 917*.

подобно какому-то кораблю или крепостной стене⁵⁸, приведена в исправное состояние и укреплена, и благополучие ее надежно обеспечено. Какую еще меру доблести не превосходили такие [достижения]? Какое состояние дел могло бы быть лучше и благотворнее этого? (37) Разве не могут все без опаски <отправляться⁵⁹> куда кому угодно? Разве повсюду все гавани не кипят деятельностью, а горы не столь же безопасны для путников, как города — для своих обитателей? Не царит разве радость на равнинах, а всякий страх разве не полностью покинул всех? Какие переправы через реки закрыты для прохода, какие морские проливы заперты⁶⁰? Ныне и празднества радостнее, и торжества угоднее богам. Ныне же и огонь Деметры [горит] ярче и благодатнее.

(38) О свет человеческого счастья⁶¹! Ныне все люди, кажется, обрели истинное счастье. Превзошедший всех императоров, над мудрыми ты возвышаешься мудростью, доблестью — над доблестными, благочестием — над светочами этой добродетели, удачей — над самыми удачливыми. За [всё] это невозможно достойным образом выразить нашу тебе благодарность ни в хвалебных речах, ни же в иных почестях.

(39) Ты же, благороднейший сын благородных предков⁶², следуй по стопам [своего] отца! Да будет этим сказано всё, что можно выразить в кратком слове!

⁵⁸ Сравнение державы с крепостной стеной имеется в «Похвале Риму» Аристиды (Εἰς Ῥώμην = Or. XXVI. 82–84 Keil).

⁵⁹ βαδίζειν добавлено Б. Кейлем.

⁶⁰ Описание мирного благоденствия державы, наступившего в результате усилий императора, следует образцу, предлагаемому Менандром (Περὶ ἐπιδεικτικῶν // *Rhetores Graeci*. III, p. 377, 10–24 Spengel), и в то же время близко перекликается с картиной, красноречиво описанной Аристидом в его «Похвале Риму» (Εἰς Ῥώμην = Or. XXVI. 99–101 Keil).

⁶¹ Образ света, просиявшего над частной и общественной жизнью благодаря правлению императоров, присутствует и в «Похвале Риму» Аристиды (Εἰς Ῥώμην = Or. XXVI. 103 Keil). Этот образ, олицетворявший римскую державу, стал топосом. См.: *Oliver J. H.* Op. cit. P. 948, с примерами. Ср. также: *Pan. Lat.* III. 15. 3.

⁶² ὦ παῖ γενναῖε γενναίων. По мнению Э. Гроага, данное выражение является греческим парафразом латинского титула *nobilissimus Caesar* («благороднейший Цезарь»), который впервые получил в 198 г. н. э. Гета, младший сын Септимия Севера (*Groag E.* Op. cit. S. 22). Это обращение к сыну императора противоречит замечанию оратора о том, что сам адресат его энкомия получил престол не по наследству. В данном случае автор речи непосредственно следует формату «царской речи», который предписывает указать, что в будущем власть будет передана сыновьям правителя (Menander. Περὶ ἐπιδεικτικῶν // *Rhetores Graeci*. III, p. 377, 28–30 Spengel).